

№ 1302

«Дядя Ваня».

«Дядя Ваня» — здоровая пьеса больных настроений и поэтичнейшее воссоздание величайшей прозы. Отразилась вся мука и мучительная безтолковщина растерявшейся жизни, отразилась во всей полноте и силе правды, но пронизанная писквозь ярким светом таланта. И оттого — исключительно-богатый материал для печальных раздумий, но и столь же богатый материал для художественных наслаждений. Безрадостны и унылы настроения драмы, и они властно подчиняют себе зрителя, они дышат тем же отравленным воздухом, что и чеховские герои, они чувствуют, как низко нависли тяжелые тучи без гроз, и в то же время — трепещут восторгом. Вечный секрет искусства... И наконец, тяжело, что наша жизнь могла выдвинуть такую пьесу, но отрадно, что у нас, в наше литературное и особенно драматургическое безвременье, нашлись художники, сумевшие ее написать, и так написать.

Приблизительно то же писал и в декабрь, когда делался своими впечатлениями от «Чайки». В повторении виновать не я. «Дядя Ваня» и «Чайка» — родные братья и сестры; у пьесы столько точек соприкосновения, что они почти совершенно покрывают одна другую. Не так велика общность этих двух драм с третьей пьесой Антона Чехова, с «Ивановым»; но и с ним общего очень много. «Иванов», «Дядя Ваня» и «Чайка» представляются чья-то своеобразною трилогией, с совершенно, правда, самостоятельными сюжетами, с различными, хотя часто и очень похожими лицами, но связанная высшею общностью, более существенным единством — единством основного мотива и настроения, создающего всякую частную трилогию атмосферу. И в этом отношении «Иванов», который дебатировал Чехов-драматург, стопгь больше особняком. Думается, в ту пору Чехов еще не вполне доверял себе, его сильнее пугал призрак драматургической традиции, за которой часто кроется только шаблон. Молодого автора, чуждого и прозрачного, возмущала и тогда та же темнота, та же хаотичность, та же сумятица безтолковой жизни, весь этот внутренний бардак, хаос, го общественного организма, и эта тоска по новой дороге, по новой цели этой жизни. Но сила проторенных путей велика. И Чехов добивался большого «дѣйствия», этого жупела драматургов, этого божка, который не стоит ли уж слишком долго на своем пьедестале? Искусственно, вопреки характеру и уроку пьесы, обогащая онѣ фабулу и япогдашнее вино вливать въ старые бурдюки. И тогда его художественный наисканъ была присуда уже великая сила; но онѣ боялся, что они, эти намеки, не будутъ достаточно ясно поняты и полно почувствованы, и онѣ позволялъ характеристикамъ расплываться, пьесѣ быть болѣе экстенсивной. «Ивановъ» — великолѣпная пьеса. Я не понимаю, почему ее такъ забыли, по крайней мѣрѣ — въ Москвѣ, основательно игнорируютъ и возобновляютъ всѣ, можетъ быть, и очень почтенныя, когда-то интересныя, но, право-же, мало кому теперь нужны. Даже въ смыслѣ сборовъ

теперь, послѣ шума «Чайки» и «Дяди Вани», эта пьеса — влады. Публика валомъ поназидать се смотреть. Но для Чехова-драматурга «Ивановъ» — наивнѣе характерное произведение. И только первый актъ, по мнѣ — безусловно лучший въ пьесѣ, — исполнѣ чеховскій, гдѣ совѣтъ та-же манера письма, что въ новѣйшихъ пьесахъ, и сила настроенія достигаетъ не менѣе напряженна, чѣмъ въ «Чайкѣ» или «Дядѣ Ванѣ».

Въ этихъ-же двухъ пьесахъ сходство полное, до нѣкотораго параллелизма, не только въ существѣ, въ темѣ, настроеніяхъ, но даже внѣшнее, въ самой конструкции, въ этомъ прилетѣ стилистическихъ птицъ, который долженъ взболотнуть стоячую воду, чтобы она выбросила на поверхность всю тину. Та-же обстановка глухого деревенскаго угла, гдѣ уныло тянуть жизненную лампу и все глубже уходить въ трясину тѣ-же, когда-то о чемъ-то хорошеѣ мечтавшие, но надломленные, надежные, безтолковые люди, и задыхается молодая жизнь въ ненужныхъ жертвахъ и непроектленныхъ страданияхъ. И тѣ-же поступки, логичные именно своею нелогичностью, потому что у дѣлающихъ ихъ вся жизнь — въ скачкахъ, въ этомъ жуткомъ для смотрящаго со стороны сумбурѣ, въ большихъ порывахъ. Всѣ они, чеховскіе герои, — все тотъ-же l'homme qui a voulu, какъ говорить про себя одинъ изъ персонажей «Чайки». Всѣ чего-то когда-то хотѣли, думали, что идутъ по тому пути, какой ведетъ къ осуществленію желаній, и отходили отъ нихъ все дальше и дальше, наживая попутно раздраженіе и то туну, покорную, то желчную тоску. Но жажда желаній и жизни въ этихъ тмныхъ, искалѣченныхъ душою людяхъ еще не изсякла, потому, что они не изъ тѣхъ, что опускаются до обожанія тины, — и проявляется она судорогами, безсмысленными и пошлостями, и отъ выпышекъ тина дѣлается еще глубже, еще болѣе вязкою и засасывающею. Такова внутренняя драма, и если вы старовѣрь, если вамъ непременно нужна «борьба», какъ создающее драму начало, — ищите ее здѣсь, только здѣсь, въ этомъ общемъ содержаніи пьесы, а не въ тѣхъ отдѣльныхъ проявленіяхъ, каплѣ кое-какъ слагается всегда очень несложная, упрощенная и однообразная фабула. Отдѣльные факты мелки, анекдотичны; и если забыть про общую основу, про тотъ главный источникъ, изъ какого чернаетъ себѣ «Дядя Ваня», какъ и «Чайка», содержаніе, они могутъ показаться мало правдоподобными, необоснованными. На Чехова многіе ополчаются за выстрѣлъ дяди Вани въ Серебрякова. Говорятъ, это — выдумка, это — для эффекта, это — выстрѣлъ зря, безъ достаточныхъ психологическихъ основаній. А власть имущіе предписываютъ даже сей выстрѣлъ выкинуть изъ драмы, какъ «дешевый эффектъ». То-же съ подѣлуемъ Елены. Да и не одинъ этотъ выстрѣлъ или подѣлуя. Я набралъ-бы вамъ и еще нѣсколько поступковъ, которые, если прилагать мѣрку формальной логики, окажутся и нелогичными, и несподручательными, и неестественными. Но не судите

Ивановъ
Чайка
Дядя Ваня
Пьесы Чехова

побрасывать каменьями въ записку

Въ замѣткѣ, написанной сейчасъ послѣ перваго спектакля «Дяди Вани», я говорилъ, хотѣ и въ общихъ чертахъ, и объ особенностяхъ постановки, ея крупныхъ достоинствахъ и мелкихъ недостаткахъ, и о томъ, какъ дѣлали отдѣльные исполнители свое дѣло. Мой рецензентскій долгъ хотѣ отчасти такимъ образомъ исполненъ, а потому сейчасъ ограничусь этими общими впечатлѣнiями, съ какими ушелъ съ этого выдающагося спектакля. Подъ влiянiемъ «Дяди Вани» мысль забирается въ такую сторону, откуда выберешься не скоро, и никакъ не заставишь себя вернуться къ обычной рецензентской бухгалтерiи.